

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

СТО РУБЛЕЙ ИЛИ СТО ДРУЗЕЙ? (причины сетевой и рыночной коррупции)*

М.В. Кравцова

Лаборатория сравнительных социальных исследований
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики
Кочновский проезд, 3, Москва, Россия, 125319

В статье выделены две формы коррупции — рыночная и сетевая. Под рыночной коррупцией понимается использование служебного положения в личных целях, когда каждый человек или фирма, кто платит взятку, может получить желаемую услугу; под сетевой — использование служебного положения в личных целях, когда только те фирмы или индивиды, которые состоят с чиновниками в родственных, дружеских или партнерских отношениях, имеют доступ к коррупционным услугам. Рыночная и сетевая коррупция могут иметь различные причины и последствия, поэтому они требуют раздельного изучения. На основании результатов опроса «Жизнь в переходный период II», организованного Европейским банком реконструкции и развития, были построены агрегированные показатели рыночной, чистой сетевой и смешанной форм коррупции. Автор приходит к выводу, что между рыночной коррупцией и смешанной формой существует сильная положительная корреляция. Обе формы проявляют высокую чувствительность к ухудшению социально-экономических условий. Чистая сетевая коррупция отрицательно коррелирует с двумя другими формами и представляет собой более устойчивый феномен. Она не связана с ухудшением социально-экономического контекста и является ответом на усиление антикоррупционных мер в недостаточно развитой институциональной среде.

Ключевые слова: коррупция, рыночная коррупция, сетевая коррупция, «блат», сравнительные исследования.

Коррупция представляет собой серьезную проблему для многих стран, в том числе и для экономически развитых. Однако наибольших масштабов это явление достигает в развивающихся государствах и странах с переходной экономикой, поскольку в этих странах еще не успели сформироваться эффективные институты и развитое гражданское общество, способные ограничить масштабы коррупции. Коррупцию принято понимать как использование служебного положения в личных целях [13; 16]. Данное определение является очень широким и охватывает множе-

* Статья подготовлена в рамках проекта «ГЗ-25: Неформальная экономическая деятельность полиции: сравнительный анализ трансформирующихся стран», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

ство самых разных практик: таких, как хищение государственного имущества, блат и фаворитизм, вымогательство, взяточничество. В результате коррупция может заметно различаться по странам не только по количеству, но и по качеству.

Предлагаемое здесь исследование относится к достаточно ограниченному на данный момент числу работ, которые свидетельствуют, что далеко не только степень распространенности, но и конкретные формы коррупции имеют значение. В настоящей работе мы будем выделять две основные формы коррупции, которые будут иметь условные названия — «рыночная» и «сетевая».

Под *рыночной* коррупцией мы будем понимать транзакции между представителями общества и государства, предполагающие использование служебного положения в личных целях, при которых *каждый* человек, который платит взятку, получает доступ к государственной услуге или ресурсам. Частным случаем рыночной коррупции являются ситуации, когда государство распределяет ограниченные блага, на которые существует множество претендентов. Тогда взаимоотношения между чиновниками и представителями общества принимают форму аукциона, где действует правило: тот, кто заплатит большую взятку, получает доступ к ресурсам.

Под *сетевой* коррупцией мы будем понимать транзакции между представителями общества и государства, предполагающие использование служебного положения в личных целях, где доступ к государственной услуге или ресурсам могут получить *только* те люди, которые состоят *в родстве, дружеских или деловых отношениях* с чиновниками. Сетевая коррупция, в отличие от рыночной, обязательно предполагает наличие личных отношений между чиновниками и представителями населения и в этом смысле является более социально укорененной. Рыночная и сетевая коррупция не являются взаимоисключающими и в разных пропорциях присутствуют во многих странах.

Термины «рыночная» и «сетевая» коррупция впервые ввел М. Грановеттер [6]. Идея самого разделения на рыночную и сетевую коррупцию принадлежала Д. Скотту, который обозначил эти формы терминами «рыночная» и «местническая» коррупция [15]. К обозначению сетевой коррупции часто применяется понятие «блат», «guanxi» (в переводе с китайского означает «связи, отношения» и используется как альтернатива русскому понятию «блат» в китайском обществе), «фаворитизм», «фамилизм», «патронаж», «непотизм» и «клиентелизм».

Грановеттер впервые обозначил изучение сетевой коррупции в контексте ее противопоставления рыночной как перспективную область исследования и предложил ряд теоретических посылок для данного анализа. Тем не менее, количество работ по данной тематике крайне мало, и большинство из них носят качественный характер. Нам не удалось найти ни одного количественного исследования, посвященного данной проблеме.

Разделение этих двух форм коррупции представляется нам потенциально важным и интересным по целому ряду причин. Во-первых, такое разделение позволяет лучше понять плюсы и минусы коррупции, и, таким образом, внести вклад в продолжающуюся дискуссию о том, «смазывает» ли коррупция колеса экономики или «засоряет».

С одной стороны, мы можем предположить, что основные положительные стороны, приписываемые коррупции, содержит в себе рыночная форма коррупции. Теоретически именно при такой форме коррупции государственную услугу, доступ к государственным ресурсам или же возможность уклониться от регулирования получают более эффективные фирмы. В идеальном случае рыночную коррупцию можно представить в виде аукциона, который проводится чиновником, победителем которого является фирма, предложившая большую цену. В свою очередь, при сетевой коррупции победителем аукциона будет фирма, каким-либо образом связанная с чиновником, и для которой нет стимулов быть эффективной.

С другой стороны, в ряде работ отмечается, что при разрастании рыночная коррупция становится разрушительной для государства. Она парализует его функцию вырабатывать самостоятельную политику и эффективно регулировать экономику [4]. В данном случае каждый, кто платит взятку, может развернуть политику в свою сторону. По мнению Джонстона [8], в условиях высокой рыночной коррупции государство становится либо «исполнительным комитетом буржуазии», либо орудием власти для извлечения коррупционной ренты из населения.

В то же время распространение сетевой коррупции выглядит менее разрушительным, так как власти и бизнес образуют неформальную коалицию, основанную на давних партнерских, дружеских или родственных отношениях. В результате власти получают возможность контролировать бизнес, а предприниматели — лоббировать собственные интересы во власти. При этом как чиновники, так и бизнесмены действуют не как отдельные индивиды, преследующие личную выгоду, а как сплоченная команда, способная совместно вырабатывать некую общую политику.

К этому можно добавить, что при наличии такой прочной сети коррупция становится более централизованной. Это позволяет государству успешно выполнять свою регулирующую функцию, а бизнесу — избегать неопределенности, связанной с невозможностью заранее просчитать свои коррупционные издержки. Когда власть интегрирована, коррупция устроена по принципу «одного окна», и предпринимателям нет необходимости платить взятки в бесконечное множество инстанций [8; 4].

В качестве второго довода в пользу актуальности нашего разделения коррупции можно привести тот факт, что оно позволяет более точно оценить масштабы наблюдаемого феномена. На наш взгляд, рыночная коррупция отражает ту часть коррупции, которая является относительно хорошо наблюдаемой и измеряемой, так как она во многом является *денежной*.

В свою очередь, сетевая коррупция представляет собой подводную часть коррупционного айсберга, которая, по определению, гораздо трудней поддается наблюдению. В связи с этим в подавляющем большинстве межстрановых работ о коррупции исследуется, главным образом, ее рыночная форма.

Однако как бы изменились результаты этих работ, в том числе и ранжирование стран по уровню коррупции, если бы была учтена сетевая коррупция? Наши предварительные расчеты, а также некоторые работы на микроуровне [13] показывают, что рыночная и сетевая коррупция являются скорее не компонентами, а субститутами. Это указывает на то, что результаты могли бы поменяться очень сильно.

Наконец, разделение коррупции на рыночную и сетевую формы позволяет, на наш взгляд, описать процессы, происходящие в России. В ряде работ отмечаются серьезные изменения в коррупционных отношениях, происходившие в стране в 2000-е гг. [1; 5; 9], которые вполне могут интерпретироваться как разрастание сетевой коррупции на фоне сохранения или даже сокращения рыночной коррупции. Россия могла бы послужить хорошим примером для изучения взаимных трансформаций рыночной и сетевой коррупции (1).

Основной целью данной работы является сравнительный анализ рыночной и сетевой коррупции. Для достижения этой цели мы ставим своей задачей измерение степени распространенности обеих форм коррупции в разных странах и сравнение страновых факторов, влияющих на их распространение. Наше исследование осуществляется на выборке стран с переходной экономикой, вошедших в исследование «Жизнь в переходный период II», которые являются прекрасной лабораторией для изучения коррупционных отношений во всем их многообразии. В качестве объекта исследования были выбраны неформальные отношения между чиновниками и представителями общества. Особый акцент сделан на характере неформальных трансакций между властью и бизнесом, так как именно от них во многом зависит, будет ли коррупция «засорять» или «смазывать» колеса экономики.

Причины коррупции

В данной статье мы планируем сосредоточиться на страновом уровне и проверить две основные гипотезы.

H 1: Рыночная и сетевая коррупция имеют различные причины.

Если нам удастся выявить серьезные различия в их природе, это станет веским аргументом в пользу их отдельного изучения.

H 2: Рыночная коррупция в большей степени зависит от текущего социально-экономического контекста, чем сетевая.

Чтобы проверить данные гипотезы, мы используем ряд факторов, которые коррелируют с коррупцией в целом. Среди них: уровень социально-экономического развития и качество государственных институтов [17]; жесткость антикоррупционного контроля; политическая нестабильность [17; 12]; размер теневой экономики [2]; уровень демократии [11]; доля протестантов / последователей иерархических религий [17].

Мы также проверяем гипотезу М. Грановеттера о причинах рыночной и сетевой коррупции [6]. Рассуждения автора базируются на наблюдении антропологов о том, что предложение денег несовместимо с реципрокными отношениями. Человек, предлагающий другому человеку взятку, дает ему тем самым понять, что дальнейшие личные отношения между ними невозможны. Это происходит в тех случаях, когда взяткодатель считает своего контрагента ниже по статусу. Если в обменных отношениях участвуют две стороны, примерно равные по своему социальному статусу, то эти отношения принимают характер реципрокности, или регулярного взаимного обмена дарами. Таким образом, согласно идее Грановеттера, в обществах, где чиновники имеют высокий социальный статус, более распространены реципрокные обмены, а не прямое взяточничество.

Данные и методология

Основной базой данных, на которой мы будем измерять рыночную и сетевую формы коррупции, являются находящиеся в свободном доступе данные обследования Life in Transition (LiTs). Это обследование проводилось два раза — в 2006 и в 2010 г. Раунд 2010 г. содержит вопросы, необходимые для измерения и разделения рыночной и сетевой коррупции. Обследование охватывает 16 стран Центральной и Восточной Европы и 11 стран СНГ. Кроме того, в раунд 2010 г. для целей сопоставления были включены 5 стран Западной Европы (Франция, Германия, Италия, Швеция и Великобритания).

Выбор данных LiTs продиктован тем, что все другие известные нам и доступные международные обследования не позволяют разделять рыночную и сетевую коррупцию. Использование этих данных может выглядеть как некоторое ограничение предполагаемого анализа, так как наша выборка будет состоять из достаточно специфической группы стран с переходной экономикой. Это вряд ли позволит распространить наши выводы на все страны в мире. Однако такой выбор данных имеет и свои преимущества.

С одной стороны, выборка стран является достаточно гомогенной. В том числе эти страны известны как страны с относительно высоким уровнем коррупции и схожим историческим бэкграундом [14]. С другой стороны, уровень общей коррупции все же сильно различается внутри данной выборки. В том числе, согласно нашим предварительным расчетам, заметно различаются и уровни рыночной и сетевой коррупции. Наличие в выборке стран Западной Европы позволяет также проводить параллели между странами с переходной экономикой и развитыми странами.

Данные LiTs позволяют измерять как *представления* людей о том, насколько распространена сетевая и рыночная коррупция в стране в целом, так и их *фактическое участие* в этих формах коррупции. Для анализа сетевой коррупции мы собираемся использовать следующие два вопроса.

1. Некоторые люди, в силу характера своей профессиональной деятельности, положения в обществе или наличия нужных контактов, часто сталкиваются с просьбами оказать содействие и повлиять на принятие решений в пользу просителей. В целом, насколько важно в нашей стране иметь поддержку подобных людей, которые могут повлиять на принятие нужных решений в следующих ситуациях:

- 1) получить хорошую работу в государственном секторе;
- 2) получить хорошую работу в частном секторе;
- 3) разрешить дело в суде по конфликту с соседом;
- 4) получить разрешения или другие документы, например паспорт;
- 5) поступить в университет.

Ответы на этот вопрос для каждой ситуации имеют 5 упорядоченных вариантов ответа, от «совсем не важно» до «крайне важно». Другой вопрос звучит:

1.1. Насколько вероятно, что вы лично прибегнете к их помощи?

- 1) маловероятно 5) обязательно

(Этот вопрос относится сразу ко всем вариантам, перечисленным в [3]).

Первый вопрос позволяет выявить *представления* людей о том, насколько распространена сетевая коррупция. Второй вопрос позволяет оценить *фактическое участие* в сетевой коррупции.

Для анализа рыночной коррупции мы собираемся использовать следующие два вопроса.

2. Как часто такие люди как Вы прибегают к неформальным платежам или подаркам в следующих ситуациях?

- a) взаимодействие с дорожной полицией;
- b) получение официальных документов от властей;
- c) разрешение гражданских споров;
- d) получение государственного образования (низшей и средней ступени);
- e) получение государственного образования (высшая ступень);
- f) получение медицинского обслуживания в государственной системе здравоохранения;
- g) получение пособий по безработице;
- h) получение других социальных льгот.

2.1. Прибегали ли вы или кто-либо из членов вашей семьи к неформальным платежам в течении последних 12 месяцев в следующих ситуациях? (варианты ответа см. в вопросе 2).

Как в случае с сетевой коррупцией, первый вопрос позволяет выявить *представления* людей о том, насколько распространена рыночная коррупция. Второй вопрос позволяет оценить *фактическое участие* в рыночной коррупции.

На основе данных вопросов строятся индексы восприятия и индексы участия в сетевой рыночной коррупции. На данном этапе мы предлагаем следующую методологию их построения. Индексы восприятия рыночной и сетевой коррупции основаны на блоках вопросов 1 и 2. На индивидуальном уровне данные индексы были получены путем сложения баллов по всем вопросам, относящимся к пункту 1 (индекс восприятия сетевой коррупции) и 2 (индекс восприятия рыночной коррупции). В качестве агрегированной меры рыночной и сетевой коррупции мы использовали среднее значение этих индексов по каждой стране.

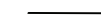
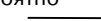
Для построения индексов участия в сетевой и рыночной коррупции мы используем одновременно оба вопроса 1.1 и 2.1. Мы строим индексы отдельно для каждого подвопроса, указанного в вопросе 2.1. Но из-за большого количества пропущенных значений мы работаем только с подвопросами b) получение официальных документов от властей, d) получение государственного образования (низшей и средней ступени) и f) получение медицинского обслуживания в государственной системе здравоохранения.

Следуя нашим определениям сетевой и рыночной коррупции, мы разделяем всех респондентов на 4 основные группы. В первую из них входят респонденты, участвующие в чистой сетевой коррупции, которые решают свои проблемы исключительно с помощью связей, не прибегая к взяткам (Pure Network Corruption participants, PureNCP). Во вторую группу входят респонденты, которые прибегают к обеим стратегиям: и к взяткам, и к связям (Mix corruption participants, MixCP). В третью входят люди, участвующие только в рыночной коррупции (market cor-

ruption participants, MCP). Они платят взятки и не используют личные связи. Четвертую группу составляют «честные респонденты», не участвующие ни в сетевой, ни в рыночной (honest) коррупции. Респонденты, к которым эти вопросы не применялись (NA), составляют условную пятую группу, которую мы не будем рассматривать в нашем исследовании. Построение индексов участия в разных формах коррупции может быть представлено в графическом виде следующем образом (табл. 1).

Таблица 1

Построение индексов участия в рыночной, чистой сетевой и смешанной форме коррупции

Типы участия	1.1. Использование личных связей	2.1. Дача взяток	1. Насколько важно в нашей стране иметь связи?
Участник чистой сетевой коррупции	Обязательно Очень вероятно Вероятно 	Нет	Очень важно, это главное (в более чем трех ситуациях из пяти)
Участник смешанной формы коррупции	Обязательно Очень вероятно Вероятно 	Да	Очень важно, это главное (в более чем трех ситуациях из пяти)
Участник чистой рыночной коррупции	Совсем не вероятно маловероятно	Да	—
Честный	Совсем не вероятно маловероятно	Нет	—

Для получения агрегированных показателей PureNCP, MixCP, MCP и HONEST мы используем страновую долю соответствующих групп респондентов. Так как выборка LITS имеет смещение по полу и возрасту в сторону женщин и более пожилых людей, которые присутствовали дома во время проведения опроса [3], при расчете средних показателей по нашим индексам мы используем веса, содержащиеся в базе данных (демократический вес (democratic weight), позволяющий соотносить выборочные пропорции тех или иных групп населения с соответствующими пропорциями в населении страны).

Для проверки валидности созданных нами индексов рыночной, сетевой и смешанной формы коррупции мы провели корреляционный анализ между ними и другими мерами коррупции (табл. 2), такими как:

1) Индекс восприятия коррупции, 2011 г. (Corruption Perception Index (CPI), Transparency International). Индекс измеряет восприятие коррупции в каждой стране на основе экспертных опросов;

2) International Country Risk Guide (ICRG), 2011 г. (Political Risk Services Group). Индекс измеряет восприятие коррупции в каждой стране на основе экспертных опросов;

3) Индекс контроля над коррупцией, 2011 г. (Control of Corruption Index (CCI), World Bank). Индекс измеряет восприятие коррупции в каждой стране на основе экспертных опросов;

4) страновая доля респондентов, предлагавших взятки, 2004 г. (European Social Survey, round 2). Индекс основан на опросе населения в странах Западной и Центрально-Восточной Европы;

5) страновая доля респондентов, у которых просили взятки, 2004 г. (European Social Survey, round 2). Индекс основан на опросе населения в странах Западной и Центрально-Восточной Европы.

Таблица 2

Сравнение наших индексов с существующими индексами коррупции

Меры коррупции	Общая коррупция (MCP + PureNCP + MixCP)	Общая денежная коррупция (MCP + MixCP)	Участие в рыночной коррупции	Восприятие рыночной коррупции	Смешанный тип коррупции	Чистая сетевая коррупция	Восприятие сетевой коррупции
CPI	0.576***	0.510***	0.458***	0.519***	0.525***	0.029 ns	0.418**
ICRG	0.517***	0.420**	0.367*	0.522***	0.442**	0.083 ns	0.395**
CCI	0.570***	0.576***	0.512***	0.644***	0.597***	-0.06 ns	0.366**
Доля предлагавших взятки	0.522*	0.752***	0.634**	0.643**	0.811***	-0.152 ns	0.251 ns
Доля, у кого просили взятки	0.551*	0.745***	0.629**	0.639**	0.803***	-0.104 ns	0.245 ns

В целом проведенный корреляционный анализ свидетельствует о сопоставимости наших мер коррупции с существующими индексами. При этом вполне логично, что наши индексы участия в коррупции лучше коррелируют с другими индексами участия, а индексы восприятия рыночной и сетевой коррупции — с другими соответствующими мерами, основанными на восприятии.

Измерение статуса предпринимателя и чиновника

Этот показатель мы измеряем с помощью вопроса Lits: Представьте, что вы могли бы выбирать между различными профессиями. Какие бы профессии из предложенного списка вы выбрали?

- самозанятый;
- работник малого частного предприятия;
- работник крупного частного предприятия;
- сотрудник государственного предприятия;
- госслужащий.

Мы исходили из того, что если из всего предложенного списка респондент выбирает ту или иную работу, то она является наиболее привлекательной в его глазах и для этого респондента ее статус выше остальных.

Мы перекодировали этот вопрос в две переменные: «статус чиновника» — чиновник — 1, другое — 0, «статус предпринимателя» — самозанятый — 1, другое — 0. Затем мы вычислили страновые доли респондентов, которые отметили ту или иную профессию как наиболее привлекательную.

Переменные из других межстрановых баз данных, используемые для анализа

1. Уровень экономического развития. Источник данных: Индекс развития человеческого потенциала, (HDI Human Development Index), United Nations Development Program.

2. Качество государственных институтов. Источник данных: Worldwide Governance Indicators (WGI), Всемирный Банк:

— «Эффективность правительства» (Government Effectiveness). Этот показатель отражает качество государственных услуг, эффективность государственной политики и ее применения, степень независимости государства от давления различных групп интересов;

— «Качество регулирования» (Regulatory Quality). Этот показатель является индикатором качества государственного регулирования частного сектора.

3. Антикоррупционный контроль. Источник данных: Bertelsmann Transformation Index 2012, фонд Бертельсманна (Bertelsmann Foundation). Переменная: антикоррупционный контроль (anticorruption control). Данный показатель основан на экспертных оценках институтов, связанных с антикоррупционной политикой и ее применением. В частности, оценивается качество аудита государственных расходов, регулирование финансирования политических партий, доступ граждан и СМИ к информации, а также подотчетность чиновников (декларации доходов чиновников, кодексы профессиональной этики, степень прозрачности системы госзакупок).

4. Политическая нестабильность. Источник данных: Worldwide Governance Indicators, Всемирный Банк. Переменная: индекс политической нестабильности и насилия (Political Stability and Violence). Этот показатель измеряет восприятие вероятности того, что правительство лишится своих полномочий неконституционными, насильственными методами.

5. Объем теневой экономики. Источник данных: Shneider et al. 2010. Переменная: Процент от ВВП, приходящийся на неформальную экономику.

6. Авторитаризм/демократия. Источник данных: Polity IV (Monty Marshall, Robert Gurr). Переменная: polity 2. Этот показатель оценивает соотношение демократических и авторитарных черт политических режимов.

7. Доля протестантов, доля последователей иерархических религий. Источник данных: база данных, составленная автором данной работы на основе материалов wikipedia, которая содержит долю последователей различных религий за ближайший доступный период с 2003 по 2012 г.

8. Агрегированные показатели статуса чиновника и статуса предпринимателя. Источник данных: Life in transition survey II.

Так как используемые данные ограничены только одним моментом времени, все наши гипотезы мы проверяем на кросс-секции стран. Ввиду недостаточного количества наблюдений на страновом уровне ($N = 35$) мы строим простые корреляции между уровнями сетевой и рыночной коррупции и различными страновыми характеристиками.

Описание индексов

К странам с наиболее высокой долей МСР относятся: Азербайджан, Киргизия, Албания, Украина, Молдова и Таджикистан (рис. 1).

Похожий набор стран лидирует в индексе восприятия рыночной коррупции: Азербайджан, Киргизия, Молдова, Таджикистан, Албания и Армения (рис. 2).

Примерно в той же группе стран преобладает смешанная форма коррупции: Киргизия, Азербайджан, Украина, Узбекистан, Таджикистан (рис. 3).

Рыночная коррупция

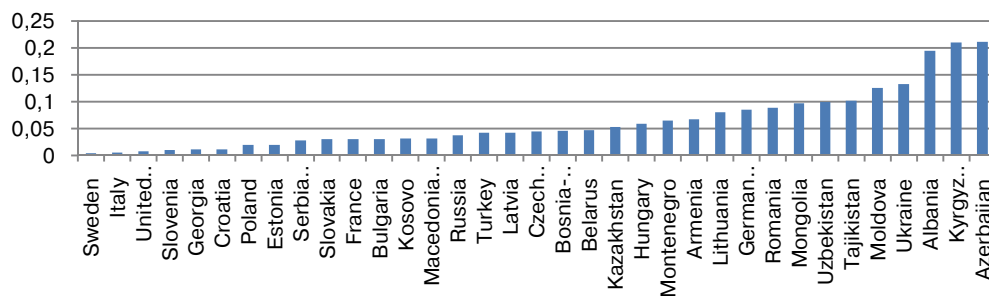

Рис. 1. Распределение стран по доле участников в рыночной коррупции

Восприятие рыночной коррупции

Рис. 2. Распределение стран по индексу восприятия рыночной коррупции

Смешанный тип коррупции

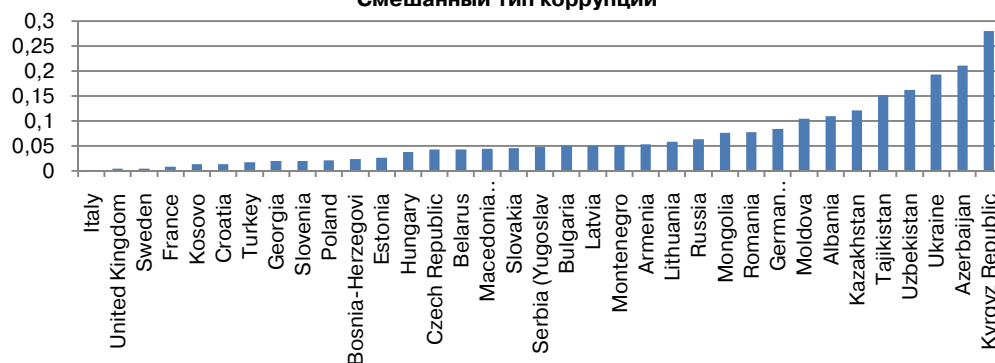

Рис. 3. Распределение стран по доле участников в смешанном типе коррупции

Чистая сетевая коррупция (PureNCP) наиболее распространена в Македонии, Венгрии, Боснии-Герцеговине, Сербии и Болгарии (рис. 4).

Тот же результат подтверждается индексом восприятия сетевой коррупции, согласно которому странами, где люди решают свои проблемы преимущественно с помощью связей, являются: Болгария, Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина, а также Македония (рис. 5).

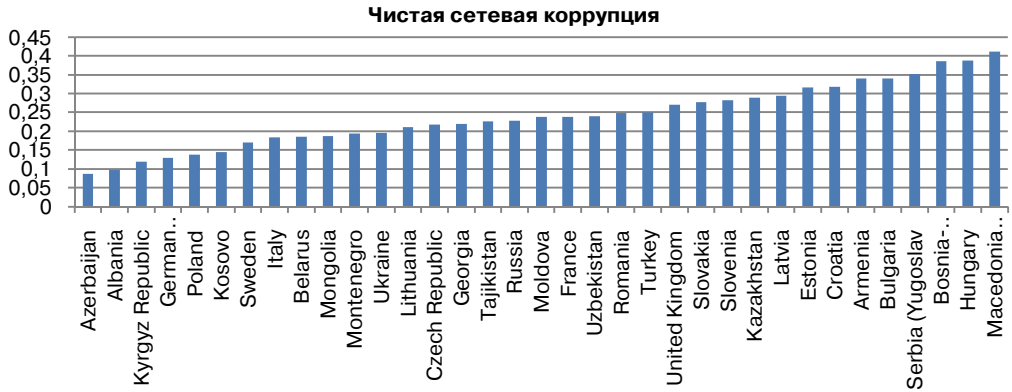

Рис. 4. Распределение стран по доле участников в чистой сетевой коррупции (Pure Network Corruption)

Рис. 5. Распределение стран по индексу восприятия сетевой коррупции

Как можно было ожидать, доля честных респондентов выше всего в 5 развитых странах: Швеции, Италии, Германии, Великобритании и Франции (рис. 6).

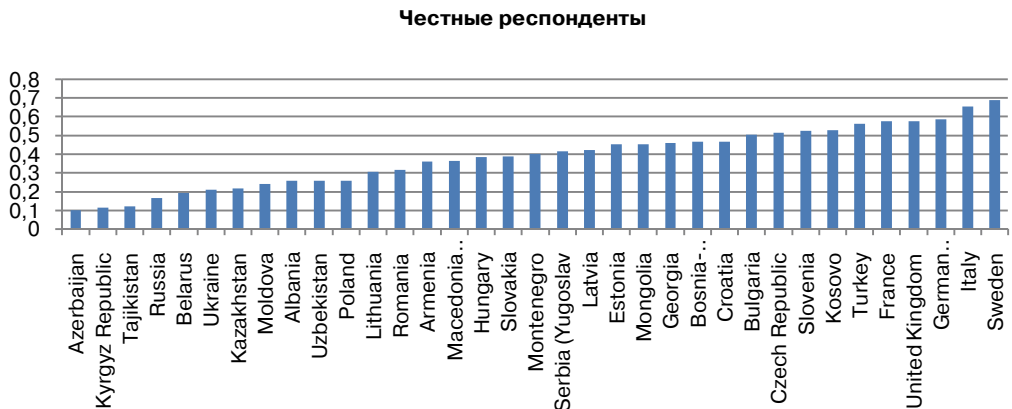

Рис. 6. Распределение стран по количеству «честных» респондентов

Сравнение сетевой и рыночной коррупции

Из приведенной ниже таблицы (табл. 3) мы видим, что индексы участия в рыночной и чистой сетевой коррупции и индексы восприятия обеих форм коррупции сильно коррелируют между собой, что является подтверждением устойчивости наших показателей. Мы выявили сильную положительную корреляцию между индексом участия в рыночной коррупции и смешанным типом. При этом чистая сетевая коррупция коррелирует отрицательно как с рыночной коррупцией, так и со смешанным типом (коэффициент корреляции чистой сетевой коррупции с рыночной несколько выше). С долей честных рыночная и смешанная формы коррупции коррелируют отрицательно, в то время как коэффициент корреляции между долей честных и чистой сетевой коррупцией незначим, но имеет положительный знак.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что рыночная форма коррупции часто сочетается со смешанным типом. В данном случае смешанный тип выполняет функцию неформальных отношений, основанных на связях (сетевой коррупции), в ситуации, когда исключен вариант решения проблем «только по знакомству» без использования неформальных платежей. Задействование социальных сетей способствует лучшему функционированию коррупционной системы, обеспечивая доверие и гарантии секретности участникам нелегальных коррупционных транзакций с использованием неформальных платежей. Чистая сетевая коррупция с большей вероятностью может возникнуть в обществе с низким уровнем взяточничества. В этом случае она может рассматриваться как альтернатива рыночной коррупции, с которой государство успешно борется.

Таблица 3

Корреляции между формами коррупции

Формы коррупции	Рыночная коррупция	Восприятие рыночной коррупции	Чистая сетевая коррупция	Восприятие сетевой коррупции	Честные
Рыночная коррупция	—	0.813***	—	-0.103 ns	-0.667***
Восприятие рыночной коррупции	—	—	—	0.130 ns	-0.658***
Смешанный тип	0.878***	0.742***	-0.387**	-0.119 ns	-0.748***
Чистая сетевая коррупция	-0.501***	-0.298*	—	0.637***	0.205 ns
Восприятие сетевой коррупции	—	0.130 ns	—	—	-0.075 ns

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что существующие индексы коррупции, концентрирующиеся в первую очередь на неформальных платежах, достаточно хорошо приспособлены для описания на агрегированном уровне причин и последствий рыночной коррупции и смешанного типа, которые сосуществуют друг с другом и, следовательно, возникают в схожем социально-экономическом контексте. Однако они не схватывают чистую сетевую коррупцию, возникающую в совершенно иных условиях. В результате причины чистой сетевой коррупции остаются неизученными.

В качестве следующего шага мы анализируем факторы, влияющие на сетевую, рыночную и смешанную формы коррупции, с помощью корреляционного анализа. Как следует из табл. 4, рыночная коррупция и смешанный тип коррелируют с большинством используемых нами социально-экономических показателей. Эти две формы коррупции сопутствуют ухудшению социально-экономических условий, в частности, низкому уровню экономического развития, ухудшению качества государственных институтов, росту политической нестабильности и теневой экономики и сокращению демократических свобод.

Таблица 4

Корреляционный анализ рыночной и сетевой коррупции со странными показателями

Показатели	Восприятие рыночной коррупции	Рыночная коррупция	Смешанный тип коррупции	Чистая сетевая коррупция	Восприятие сетевой коррупции
HDI (0 — низкий, 1 — высокий)	-0.625***	-0.606***	-0.663***	0.066 ns	0.073 n. s.
Эффективность госуправления (-2.5 — низкая, 2.5 — высокая)	-0.604***	-0.538***	-0.578***	0.076 ns	0.077 n. s.
Качество регулирования (-2.5 — низкое, 2.5 — высокое)	-0.465***	-0.423**	-0.545***	0.106 ns	0.110 n. s.
Насилие и политическая нестабильность (-2.5 — низкая, 2.5 — высокая)	-0.449***	-0.373**	-0.431***	0.025 ns	0.027 n. s.
Антикоррупционный контроль (1 — низкий, 9 — высокий)	-0.527***	-0.590***	-0.665***	0.412**	0.399**
Размер теневой экономики (% от ВВП)	0.488***	0.358**	0.460***	-0.07 ns	-0.072 n. s.
Степень демократичности режима (-10 — автократия, 10 — демократия)	-0.422**	-0.331*	-0.509***	0.152 ns	0.162 n. s.
Доля последователей иерархических религий	0.412**	0.393**	0.386**	-0.004 ns	-0.005 n. s.
Мусульмане	0.542***	0.492***	0.512***	-0.285*	-0.294*
Доля протестантов	-0.402**	-0.239 n. s.	-0.235 ns	0.042 ns	0.058 n. s.
Доля людей, предпочитающих профессию чиновника	0.129 ns	-0.06 ns	-0.111 ns	0.365**	0.650***

Индекс чистой сетевой коррупции и индекс восприятия сетевой коррупции не коррелируют с большинством используемых нами социально-экономических показателей, которые, согласно теории, связаны с коррупцией.

Данное наблюдение свидетельствует о том, что формы коррупции, основанные на взятках (чистая рыночная коррупция и смешанный тип), в отличие от сетевого вида коррупции, представляют собой более конъюнктурное явление, которое быстрее реагирует на изменение внешнего контекста. Кроме того, сетевая кор-

рупция, в отличие от рыночной и смешанного типа, не является индикатором ухудшения социально-экономических показателей. Чистая сетевая коррупция и индекс восприятия сетевой коррупции положительно коррелируют с антикоррупционным контролем. Таким образом, гипотеза о том, что сетевая коррупция может быть реакцией на подавление рыночной коррупции в условиях недостаточно развитой институциональной среды, согласуется с нашими данными.

Переходя к анализу культурных факторов, следует отметить, что с долей протестантов в стране отрицательно коррелируют лишь индексы восприятия рыночной и сетевой коррупции. Индексы участия в рыночной, сетевой и смешанной формах коррупции не связаны с этим показателем. Полученные результаты обосновывают необходимость дополнительной эмпирической проверки с использованием меры участия в коррупции, обнаруженной Трейсманом [17], зависимости между восприятием коррупции и протестантизмом.

Рыночная коррупция и смешанный тип часто развиваются в мусульманских странах и странах с иерархическими религиями, в то время как индекс чистой сетевой коррупции и индекс восприятия сетевой коррупции либо не коррелируют с этими переменными (иерархические религии), либо коррелируют с ними отрицательно (доля мусульман в стране).

Таким образом, наши две основные гипотезы H1 и H2 не противоречат нашим данным. Рыночная коррупция и чистая сетевая коррупция развиваются в различном социально-экономическом контексте. При этом рыночная коррупция реагирует на экономико-политическую конъюнктуру, в то время как чистая сетевая коррупция не коррелирует с этими факторами.

Однако смешанная форма коррупции, которая, как и сетевая, предполагает отсутствие открытого доступа к коррупционным услугам, сильно коррелирует с рыночной коррупцией и развивается в том же социально-экономическом контексте. Это свидетельствует о том, что на агрегированном уровне следует отдельно изучать в первую очередь крайние точки континуума: то есть чистую рыночную и чистую сетевую формы.

Гипотеза, высказанная Грановеттером, частично согласуется с нашими данными. Доля людей, предпочитающих профессию госслужащего другим профессиям, положительно коррелирует с чистой сетевой коррупцией и с индексом восприятия сетевой коррупции. При этом мы не обнаружили значимой корреляции данного показателя с рыночной и смешанной формой коррупции. К сожалению, наши данные не позволяют полностью подтвердить или отвергнуть гипотезу Грановеттера.

Основной причиной является недостаточное количество наблюдений для проведения более детального эконометрического анализа, позволяющего отделить эффект статуса чиновника от других возможных влияний, а также установить направление связи.

В данной работе мы отходим от традиционного подхода к изучению коррупции как единого феномена, разделив коррупцию на две формы — рыночную и сетевую. Как показало проведенное исследование, рыночная коррупция часто со-

существует со смешанным типом. В данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда проблемы с чиновниками не решаются без неформальных платежей. При этом рискованная рыночная форма коррупции сочетается со значительно более надежной смешанной формой, предполагающей, что секретность коррупционных отношений и защита от оппортунистического поведения обеспечиваются за счет укорененности неформальных транзакций в социальных сетях.

Чистая сетевая коррупция, основанная исключительно на реципрокных отношениях, возникает в принципиально ином страновом контексте. Об этом свидетельствует тот факт, что на агрегированном уровне чистая сетевая коррупция коррелирует отрицательно как с рыночной коррупцией, так и со смешанным типом. Именно чистая сетевая коррупция, не имеющая таких четких индикаторов, как неформальные платежи, часто ускользает от внимания исследователей и не учитывается международными индексами коррупции. В результате ее причины и последствия остаются неисследованными.

Подтверждая результаты предыдущих работ, мы приходим к выводу, что рыночная коррупция и смешанный тип сопровождают ухудшение социально-экономических условий. Эти формы коррупции получают большее распространение при снижении уровня экономического развития, ухудшении качества государственных институтов, сокращении демократических свобод, увеличении политической нестабильности и росте теневой экономики.

Чистая сетевая коррупция не коррелирует со всеми вышеперечисленными факторами, что говорит о том, что она меньше связана с политической и экономической конъюнктурой и не является прямой реакцией на ухудшение внешних условий. Единственный политический фактор, влияющий на чистую сетевую коррупцию — это строгость антикоррупционного контроля. Чистая сетевая коррупция развивается в тех странах с переходной экономикой и недостаточно развитыми формальными институтами, где государство применяет строгие меры против взяточничества.

Если говорить о культурной среде, то рыночная коррупция и смешанный тип более распространены в мусульманских странах и в странах с иерархическими религиями. Чистая сетевая коррупция, напротив, чаще встречается в немусульманских государствах. Кроме того, она развивается в тех странах, где статус чиновника относительно высок.

Полученный результат согласуется с теорией Грановеттера о том, что в странах, где представители государства имеют высокий социальный статус, ниже уровень денежной коррупции и выше уровень сетевой. Однако мы не можем с уверенностью говорить о подтверждении теории Грановеттера, так как наши данные не позволяют отделить эффект статуса чиновника от других эффектов и установить причинно-следственную связь. В данном же случае велика вероятность обратного влияния коррупции на статус чиновника.

Академическая ценность нашей работы заключается в том, что, как мы надеемся, она может способствовать пересмотру унифицированного подхода к сравнительным исследованиям коррупции, а также появлению новых межстрановых баз

данных, позволяющих выделять различные формы неформальных отношений. Это позволит более точно измерить коррупцию, лучше изучить ее природу, а также дать более основательный ответ на извечный вопрос «засоряет или смазывает коррупция колеса экономики».

Проведенное исследование дает также возможность сделать несколько практических выводов относительно антикоррупционной политики.

Во-первых, на наш взгляд, жесткие меры по борьбе со взяточничеством, направленные против рыночной коррупции, в условиях недостаточно развитой институциональной среды вряд ли принесут желаемый результат. Они лишь повлекут за собой трансформацию рыночной коррупции в сетевую. В условиях неэффективных формальных институтов борьба с сетевой коррупцией, выраженная в сокращении возможностей установления длительных отношений между представителями власти и населением (например, ротация чиновников), также вряд ли будет способствовать появлению эффективного государства. При отсутствии жестких санкций за взятки это может привести к всплеску рыночной коррупции, а при их наличии — к замедлению экономической активности в стране. По этой причине следует делать упор не на борьбу с конкретными проявлениями обеих форм коррупции, а на устранение их причины — на улучшение качества формальных институтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Как замечает Марк Грановеттер, «даже если коррупция изначально является исключительно рыночным феноменом, необходимость соблюдать секретность делает весьма вероятным, что участники неформальных отношений с целью защитить себя будут пытаться выстраивать личные связи, добавляя к рыночной коррупции важные сетевые элементы» [6. P. 167—168].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Кравцова М.В.* Коррупция в полиции: Трансформация отношений с бизнесом // *Экономическая социология*. — 2012. — Vol. 13. — № 2.
- [2] *Dreher A., Schneider F.* Corruption and the shadow economy: an empirical analysis // *Public Choice*. — 2010. — Т. 144. — № 1—2.
- [3] EBRD research team. Life in Transition after the crisis // *Official Report 2011*. URL: www.ebrd.com
- [4] *Evans P.* Predatory, Developmental and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State // *Sociological Forum*. — 1989. — Vol. 4. — № 4. Special Issue: Comparative National Development: Theory and Facts for the 1990s.
- [5] *Frye T., Yakovlev A., Yasin Y.* The Other Russian Economy: How Everyday Firms View the Rules of the Game in Russia // *Social Research: An International Quarterly of the Social Sciences*. — 2009. — № 1.
- [6] *Granovetter M.* The social construction of corruption // *On Capitalism* / Ed. by R. Swedberg, V. Nee. — Stanford: Stanford University Press, 2007.
- [7] *Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D.* Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition // *Policy Research Working Paper*. The World Bank Institute Governance, Regulation and Finance, 2000.

- [8] *Johnston M.* Syndromes of Corruption: Wealth, Power and Democracy. — Cambridge University Press, 2005.
- [9] *Ledeneva A. Shekshnia S.* Doing Business in Russia: Informal Practices and Anti-Corruption Strategies // *Russia. New Visions.* — 2011. — № 58.
- [10] *Marshall M., Jagers K., Gurr T.* Polity IV Project (Data Users' Manual) — 2011. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>.
- [11] *Montinola G.R., Jackman R.W.* Sources of corruption: a cross-country study // *British Journal of Political Science.* — 2002. — Vol. 32.
- [12] *Olson M.* Dictatorship, democracy, and development // *American Political Science Review.* — 1993. — Vol. 87. — № 3.
- [13] *Rose-Ackerman S.* (Ed.). *International Handbook of the Economics of Corruption.* — Cheltenham: Edward Elgar, 2006.
- [14] *Sandholtz W., Taagepera R.* Corruption, Culture and Communism // *International Review of Sociology.* — 2005. — Vol. 15. — № 1.
- [15] *Scott C.J.* The Analysis of Corruption in Developing Nations // *Comparative Studies in Societies and History.* — 1969. — № 11.
- [16] *Shleifer A., Vishny R.W.* Corruption // *Quarterly Journal of Economics.* — 1993. — Vol. 108.
- [17] *Treisman D.* The causes of corruption: a cross-national study // *Journal of public economics.* — 2000. — T. 76. — № 3.

HUNDRED RUBLES OR HUNDRED FRIENDS? (the causes of network and market corruption)

M.V. Kravtsova

Laboratory for Comparative Social Research
National Research University — Higher School of Economics
Kochnovsky pr., 3, Moscow, Russia, 125319

The author distinguishes two forms of corruption — market corruption and network corruption. The market corruption is the use of public office for personal gain, when every firm or individual who pays a bribe receives public services. The network corruption is the use of public office for personal gain, when only those firms or individuals who are in kinship, friendship or business relationships with public officials receive public services. The author believes that network and market corruption may have different causes and consequences, that is why they should be treated separately. Using Life in Transition Survey II from EBRD (2010) the aggregated level of the market corruption, network corruption and the mixed form of corruption was measured. The results showed that the market corruption and the mixed form are strongly positively correlated and are very sensitive to worsening of socio-economic conditions. The pure network corruption correlates negatively with two other forms and is more inert and stable. The pure network corruption is not associated with worsening of socio-economic conditions and is rather a reaction to the strict anticorruption measures in the poor institutional environment.

Key words: corruption; market corruption; network corruption; 'blat'.

REFERENCES

- [1] *Kravtsova M.V.* Korrupcija v policiji: Transformacija odnosenj s biznesom // *Jekonomicheskaja sociologija.* — 2012. — Vol. 13. — № 2.